

Управление культуры Администрации Горнозаводского района
Муниципальное учреждение
«Централизованная библиотечная система»

Информационно-краеведческий центр

Край мой родной...

В.В. Киреев

Автобиография

Горнозаводск, 2002

ББК 26.89(235.55)
К 43

К 43 В.В. Киреев. Автобиография / Сост. Л.К. Колосова.– Горно-
заводск: МУ ЦБС, 2002. – 24 с.- (Край мой родной).

Уважаемые читатели!

11 октября 2002 года известному в нашем районе человеку, краеведу, действительному члену географического общества Виктору Васильевичу Кирееву исполнилось бы 90 лет.

В жизни этого человека было два главных дела: его работа и любимое увлечение – краеведение. Собрать, сохранить, донести и переделать следующим поколениям знания о земле родной - он считал важным делом своей жизни.

Его имя носят ежегодные краеведческие чтения, которые проводит центральная городская библиотека Горнозаводского района.

Настоящий сборник включает в себя «Автобиографию», которую Виктор Васильевич написал в 1990 году по просьбе городского архива. Фотография В. В. Киреева представлена Горнозаводским краеведческим музеем им. М.П.Старостина.

90-летию В. В. Киреева посвящаются третьи Киреевские чтения и это издание.

Автобиография.

Автобиография. Как её начать и что она такое? Можно ограничиться обычными анкетными ответами на известные вопросы, можно провести хронологию жизни – родился, учился, работал..., но можно и изложить свои думы о жизни, повести разговор с самим собой – вспомнить свою родословную, годы ученичества, путь в зрелость. Хотя бы коротко дать сведения – что есть твоя семья, отметить свои увлечения, свой «хобби», в конце концов, поразмышлять о том – что ты дал людям, полезно ли жизнь прожил..., и это тоже будет автобиография. Описание жизни уже довольно долгой – как никак, а живу я уже 78-й год. И все эти годы я пытался жить по справедливости, уважать и чужой и свой труд, быть гордым за свою Родину, за свой край, за свой завод, за свой посёлок, где я родился и прожил большую часть жизни. Жил так, как жизнь складывалась. К сожалению, выбирать судьбу нам не дано.

Родословная.

Деда моего по отцу по паспорту (по виду на жительство) звали Яков Силантьевич (в старину Яков Силантьев), но в простом обращении – Яков Сылыч, ибо отца его Силантия Киреева, крепостного углежого заводчиков Мосоловых, владельцев Залазинского завода в Вятской губернии, звали не Силантий, а уменьшительно – Сила. Родился Яков Силантьев в 1852 году, т.е. ещё при крепостном праве и сам в детстве был крепостным, а потом «временнообязанным» у тех же заводчиков Мосоловых. Т.е., по существу, и после отмены крепостного права в 1861 году был крепостным, но не отработывающим барщину бесплатно определённое число дней в году (обычно 200-250), а ежегодно выплачивающего за свою «свободу» в пользу барина определённую сумму подати, которая исчислялась по числу ревизских душ в семье, т.е. «душ» мужского пола, будь то мальчик-ползунок или глубокий нетрудоспособный старик. А так как в семье Силантия Киреева было три «мужика», то и подать была тройная. Можно было весь выкупной платёж ежегодно отработывать на барском заводе, и пока вся сумма выкупа не будет внесена – крепостной оставался «временно обязанным». Яков, как и его отец, был дроворубом и углежогом (углежжение тогда ещё было «кучным», дрова пережигались на уголь сложенными в кучи, засыпанные землёй) и в 30 лет оставался «временно обязанным» заводчиков Мосоловых.

Залазинский завод был построен тульским купцом Ан-типом Мосоловым в 1772 году и, вероятно, из своих тульских владений вывез он в Вятскую губернию крепостных крестьян на строительство и обслуживание нового завода. Так коренные «туляки» Киреевы оказались «вятичами». Фамилия Киреев происходит от мужского имени Кирей. В древности это было татаро-монгольское имя, принятое потом и русскими. Татаро-монгольское имя Кирей, в свою очередь, происходит от монгольского же Хиррэз – «варан», «ящерица». Фамилия Киреев и имя Кирей в переписных книгах в 16-17 веках встречаются неоднократно. По другому варианту наша фамилия происходит от производной формы греческого имени Кирилл, т.е. «маленький господин». Но, судя по тому, что в южных районах Пермской области населённых татарами имя Кирей довольно распространено –

всё же предпочтительнее считать, что фамилия Киреев происходит от татаро-монгольского Кирея.

Из-за общероссийского промышленного кризиса, вспыхнувшего в 80-х годах XIX века, когда на Урале и в Вятской губернии прекратили свое действие более 30 заводов, в 1882 году встал и Залазинский завод. Мастерские, лишённые работы, а по условиям освобождения от крепостной зависимости и пахотной и покосной земли, лишённые заниматься и хлебопашеством, вынуждены были бросать насиженные места и искать работы на других уральских заводах. Так, Яков Силантьевич Киреев в 1884 году оказался в Пашии (а тогда Архангело-Пашийском заводе), брат его Андрей в Чусовском заводе, а двоюродные братья – в Надеждинске (ныне город Серов). Здесь в Пашии Яков Силантьевич и жена его (тоже дочь залазинского углежого) Евдокия Ефимовна обзавелись большой семьей. Было у них три сына и пять дочерей. Последним из сыновей был Василий – мой отец. В Пашии Яков Силыч снова стал углежогом (в курне Калаповском, что в 12-15 верстах от завода вниз по реке Вижай), а когда детям потребовалось идти в школу – перебрался в завод и работал на лошадях по отвозке доменных шлаков и перевозке других грузов. Умер Яков Силантьевич Киреев 16 (29) августа 1916 года.

Дед по матери – Тарасов Федор Николаевич (1865-1942г.г.). Отец его Николай Сергеев был крепостным князей Голицыных – владельцев обширной пермской вотчины, в которую входила и дача Архангело-Пашийского завода. Еще в 1797 году, после того, как крепостной углежог Зыков нашел в верховьях речки Северной рудную залежь, и здесь был возведен железный рудник (Зыковский), владельцы завода князь М.М. Голицын и его жена Анна Александровна (урожденная Строганова) перевели сюда из деревни Тарасовой, входящей в состав села Верхне-Муллинского, для добычи руд своих крепостных крестьян. Оказалась здесь и многочисленная семья Тарасовых, одним из многочисленных потомков которой и был наш прадедушка Сергей и его три сына – Николай, Сергей и Григорий - все такие же рудокопы Зыковского рудника. В 1877 году Николай Сергеев Тарасов погиб в шахте под обвалом и его 12-летний сын Федор остался кормильцем семьи. Он тоже пошел в шахту. Познав самоучком грамоту, он от нагребщика руды и за-

бойщика, к старости стал уже горным мастером (штейгером).

Бабушка – Елизавета Павловна (умерла от тифа в 1932 году) была дочерью мастерового Кусье-Александровского завода, из той его половины, которая принадлежала княгине Анне Голицыной (второй половиной завода владела ее сестра Варвара Шаховская). У Федора Николаевича и Елизаветы Павловны Тарасовых, как и у Киреевых была тоже большая семья – три сына и шесть дочерей.

Отец Василий Яковлевич Киреев родился в 1889 году в Пашии (Ахангело-Пашийском заводе). После окончания трехклассного церковно-приходского училища он помогает отцу на углежжении и на отвозке шлаков, помогая отцу содержать семью. Юношей Василий опустил в забой железного Сергиевского рудника. В 1909 году Василий был призван в армию. Служил в г. Загорске. Смышленного новобранца отправили в школу ротных фельдшеров, и вышел в запас, вернувшись в 1911 году домой в звании ротного фельдшера. Казалось бы, это сулило довольно обеспеченную жизнь, но из-за отсутствия вакантных мест в земских больницах и фельдшерских пунктах – работать по специальности ему не пришлось долго. И снова он пошел в шахту Сергиевского рудника на бурильные работы в забой.

В январе 1912 года Василий женился на моей матери – Екатерине Федоровне Тарасовой. Поселились молодые на Сергиевском руднике в одной половине двухсемейной казармы. Василий работал в шахте, а Екатерина управлялась с немудреным хозяйством. В те годы не принято было, чтобы женщины работали даже на поверхностных службах рудников.

Осень 1912 года была холодной и сырой. Уже в конце сентября ночные заморозки были постоянными. Екатерина была на последнем месяце беременности, когда приключилась беда. Утром 25 сентября (8 октября) проводив мужа в шахту, она пошла было на ключ за водой, но, поскользнувшись на обледеленых досках у крыльца, она упала. Начались преждевременные роды. Сосед, имевший лошадь, спешно выехал в завод (посёлок) за бабушкой-повитухой (бабушкой Ариной Федоровной Тарасовой – нашей прабабушкой). Ребенок родился хилым, слабым и были все основания считать, что жизнь его будет короткой. Бабушка Арина мудро решила, что пока ребенок жив, необходимо ребенка крестить и дать

ему имя. Тот же сосед на следующее утро отвез ее и ребенка в заводскую церковь. Так, в метрической книге Пашийской Свято-Троицкой церкви на 1912 год появилась запись за № 287 о рождении у супругов Киреевых Василия и Екатерины сына Виктора.

Преждевременное рождение, спешная поездка в сырое утро, купание в холодной купели даром для ребенка не прошли. Он долго болел, не говорил и долго не мог ходить. Но к удивлению родителей жил, рос и вот на семьдесят восьмом году жизни, по просьбе заведующей районным архивом, в которо есть фонд краоведа Киреева, пишет свою автобиографию с надеждой, что то еще не последний год его жизни.

В 1913 году отцу представилась возможность сменить шахту на должность куренщика (по современному – заведующего лесопунктом), а по совместительству и фельдшером в курене Басковском (34 км. от Чусового на реке Усьве). Здесь появился мой брат Евгений. В 1914 году отец снова был призван на военную службу и отбывал ее во врачебно-фельдшерском околотке пермского гарнизона. В Пашию он вернулся осенью 1916 года. В том же году занимает вакансию фельдшера в курене Мутном (на реке Вильве), но зимой 1917 года перебирается, тоже фельдшером, на Басковские угольные копи, что в двух километрах от ж.д. станции Басеги на линии Чусовская - Соликамск. В декабре 1919 года отец умер.

Мать еще год работала на копиях (весовщиком-грузоотправителем), а затем перебралась в Пашию и до пенсии работала телефонисткой, и последние 20 лет – сменным дежурным у щита на заводской электростанции. Умерла она 26 мая 1982 года в возрасте 90,5 лет.

Ученические годы.

Помнить себя я начал, пожалуй, с тех пор, когда отец работал в курене Мутном, было мне тогда 4-5 лет. В те годы отец вздумал учить меня, брата и других поселковых ребят грамоте. Усаживал нас всех на скамейку в своей больничке и показывал нам, нарисованные на картонных картинках, буквы алфавита, четко произнося их названия. Мы хором повторяли их и запоминали. Так вот и начались мои ученические годы.

Лето и осень 1917 года я провел у дедушки Тарасова на Зыковском руднике и, когда в здешней школе начались занятия, отправился в школу и я. Учитель посадил меня на заднюю парту и велел сидеть смирно. В перемену сосед по парте сказал мне, что в школу ходят за плату (обучение в школе тогда было платным – 3-5 рублей в год с каждого ученика). Дома я стал просить бабушку, чтобы она пришила мне на сумку заплату, так как иначе, ребята говорят, учиться нельзя. Бабушка разъяснила мне, что значит учиться за плату и сказала, что денежек у дедушки нет и, значит, ходить в школу мне нельзя.

В «настоящую» школу я пошел осенью 1919 года. Жили мы тогда в поселке Басковских угольных копей. Слово «настоящую» я заключил в кавычки, т. к. школа та была обычным домом с небольшой прихожей, кухней и маленькой комнатой, в которой жила сторожиха, и классной комнатой. В классной комнате стояло три ряда парт по 3-4 парты в ряду. Средний ряд – то был первый класс, справа – второй и слева – третий. Учительницей была молодая девушка – дочь заведующего копами Софья Михайловна Карелина. Пока третьеклассники решали задачи, первоклашки выводили в самодельных тетрадях, сделанных из старых конторских книг, буквы, второй класс писал под диктовку учительницы, на другой день задания менялись. По окончании учебного года Софья Михайловна всем первоклашкам подарила книги для чтения «Новая школа». То была единственная в доме детская книга, и я читал ее брату и сестренке (родилась в 1916 году) столько раз, что «Сказку о царе Салтане...» А.С. Пушкина заучил наизусть и помнится она еще и сейчас.

В 1920 году копи закрыли, поселок был заброшен, рабочие разъехались кто - куда. Переехали в Пашию

и мы. Учение было прервано на два года. Осенью 1922 года вместе с братом мы пошли во второй класс. Время было голодным. По карточкам вместо хлеба продавали конопляный жмых, который мать размачивала, добавляла немного вареной толченой вместе с кожурой картошки и пекла маленькие лепешки. Летом к тому «тесту» добавлялась рубленая крапива. В школу ходили в лаптях и старых дедушкином и материнском полупальто. Карандашей в школе не было. Писали на тех же тетрадях из конторских книг свинцовыми палочками. Вместо чернил пользовались свекольным соком и раствором марганцовки.

Известно, что уже в те годы школа была отделена от церкви, но занятия по «Закону Божьему» все же, факультативно проводились 1-2 раза в неделю, для пожелавших их посещать, в церкви. Посещали эти занятия и мы с братом. Преподавание вел «отец» дьякон. Запомнилось, что он всегда был под хмельком. Однажды, он за какую-то провинность, пригрозил нам «карой Божией», и мы просто бросили занятия и в церковь больше не ходили. Хотя летом 1923 года я все же шел с фонарем, в специально шитом серебром одеянии, впереди крестного хода, по правую руку от священника, в день Петра и Павла (12 июля) от церкви до часовни, что стояла в районе Пихтовки. Было очень жарко, и босые ноги жгло нагретой дорожной пылью. Осенью 1924 года мы вступили в пионеры, а летом 1925 года брат умер.

Пять классов школы (а школа в Пашии в те годы была только пятиклассной) я окончил весной 1926 года. На работу в 13 лет не принимали, и осенью я снова пошел в школу и опять в пятый класс – «вольнослушателем». Посещал школу как все, но надежды поступить на работу не оставлял: куда угодно – лишь бы работать. Заработок матери (26 рублей в месяц) на семью в три человека был явно мал.

В начале марта 1927 года счастье мне улыбнулось – я поступил учеником продавца в дежурную лавку рабочего кооператива. Это тоже было продолжением учебы. Мне был установлен шестичасовой рабочий день. Но так только считалось – работать приходилось от открытия лавки в 11 ч. дня и до закрытия вечером. Заведующий лавкой П.М. Ширинкин устроил мне негласную проверку на честность: подбрасывал на пол сначала

мелкие монетки, а потом и крупные деньги. Все монеты, даже те, что были явно утеряны покупателями, я отдавал ему, а когда дело дошло до больших денег понял, что это проверка и сам сказал, что проверять меня не надо – вором я не был и не буду.

Учение продвигалось хорошо – мне уже доверялась продажа всех товаров имевшихся в лавке и прием денег в оплату за них. Но осенью, в октябре, представилась возможность учиться в шестом классе в Лысьвенском заводе. Жил у знакомых без оплаты за квартиру, но обязан был ежедневно наколоть и принести в дом дрова, чтобы протопить печь, убрать снег у двора, почистить в конюшне и т. д. Спал в углу на полу, на привезенной из дома телячьей шкурке под солдатским суконным одеялом. Было жестко и холодно, но приходилось терпеть. В школу ходил за два километра при любом морозе. Из обуви были только сапоги, а на себе летнее пальтишко. Жил своим коштом – ел хлеб с водой подслащенной сахаром (на день: 1 кг. хлеба, чаще ржаного – он дешевле, 40-50 г. сахара и вода без меры). Плохо и голодно стало совсем, когда перед весной 1928 года ввели карточки и установили норму хлеба - 500 г. на день. Помнится, как тогда в школе ввели чаепитие, правда кружку, хлеб и сахар приносили из дома.

В летние каникулы дома занимался на уборку сена, ходил на покосы. За лето зарабатывал на новые ботинки и шинель из солдатского сукна. Седьмой класс (в 1928-29 учебном году) кончал в Чусовом. Жить здесь было совсем голодно. Норма хлеба по карточке – 300 г. на день и больше ничего, если не считать выдачи за зиму 2 кг. овсяной крупы и 2 кг. мороженого окуня. Правда, в школе, в большую перемену, давали одну столовую ложку крупяной каши без хлеба и чай без сахара. Из-за голода было постоянное малокровие и постоянная головная боль.

21 ноября 1928 года я вступил в комсомол и старался учиться только на «хорошо». В дневнике за 11 декабря 1928 года сделана запись: «...хочешь человеком быть – изволь, как следует учиться теперь, а на завтра не откладывай...» - этой своей «заповеди» я по сути и следовал всю жизнь.

Семилетка окончена. Что делать, как жить дальше? На заводе в Пашии рабочих мест для подростков нет. Моя мечта стать электромонтером - остается мечтой. Поступил было на углежжение в инструментальную кладовую, но послали на уборку обсохших при сплаве по реке куренных дров. Бродил весь день с багром по воде в любую погоду, в конце концов, простудился и заболел. Пришлось эту работу бросить. Снова стал поденщиком на покосах. В начале января 1930 года, наконец, повезло. Был принят учеником газоанализатора в заводскую химическую лабораторию. Летом я был уже полноправным лаборантом. Кроме анализа доменного газа я успешно освоил технический анализ чугунов, шлаков, руд и других материалов. Как я не любил химию в школе и вот – лаборант-химик. Но конце концов, я осознал: считаю это правильным и сейчас на склоне жизни, что математика, физика и химия – вот три кита, на которых основана вся материальная жизнь человека. Все остальное – гуманитарные науки, литература, искусство – прикладное.

Осенью 1930 года я снова учащийся. Учащийся Пермского индустриального техникума. Сначала мы готовились стать специалистами по производству серной кислоты. Летом 1931 года побывали даже на двухмесячной практике на сернокислом заводе, но, в конце концов, техникум реорганизовали на подготовку специалистов по производству порохов и искусственного волокна. Я выбрал последнее. Летом 1932 года побывали на практике на фабрике искусственного шелка в городе Могилеве.

Одна интересная деталь школьной и техникумовской жизни того времени: из-за нехватки учебников (один учебник на 6-8 человек) в школе пользовались книгами по очереди, а в техникуме были организованы ученические бригады. Учили заданные темы совместно – в техникуме, в общежитии или даже на квартире одного из учащихся. Экзамен сдавали всей бригадой - отвечал один, а оценки ставились всем членам бригады одинаковые. Я был в бригаде старшим и т. к. ставил своей задачей – учиться и учиться, то кроме учебника пользовался и другой литературой из библиотеки и не давал спуска в бригаде никому. Бригада всегда была отличной.

Те годы были неурожайными, и вся страна жила трудно и голодно. Голодно жили и мы. Норма хлеба – 500 г. часто не давалась по 2-3 дня, а то и неделю. Чтобы пропитаться, работали после занятий на камских пристанях и железнодорожных вокзалах на выгрузке барж и вагонов, за что получали булку хлеба и

10 рублей денег, на которые на рынке можно было купить еще одну булку хлеба.

И опять незадача. Осенью 1932 года индустриально-химический техникум расформировали. Всех учащихся распределили по различным техникумам. Мы всей группой попали во вновь организованный металлургический техникум в г. Надеждинск (ныне Серов) Свердловской области. Учились по специальности – производство стали мартеновским способом. С питанием и общежитием здесь было лучше, но с преподаванием, особенно спецдисциплин было хуже. Преподавали по совместительству производственники - инженеры и техники с завода. Химию, например, мы знали лучше, чем наши педагоги. Стремясь окончить техникум в положенные сроки (3-3,5 года) мы больше занимались самостоятельно, отказывались от каникул, заменяя их практикой на заводах. 17 февраля 1934 года я защитил диплом по специальности техник-мартеновщик с оценкой «очень хорошо» - высший балл. Так закончились мои ученические годы.

Мастер

Итак, я дипломированный техник-сталеплавильщик, сталевар. Сталевар – это металлург широкого профиля. Он должен знать, куда и для каких целей идут многообразные по своему составу стали, быть знакомым с литейным и машиностроительным производством, хорошо знать составы и свойства материалов, из которых варят сталь, т. е. быть знакомым с производством чугунов и сплавов, быть знакомым с рудами и заправочными материалами и т. д. и т. д.

Был ли я доволен выбором профессии? Да! И еще раз да! Еще, будучи на практике, на шелковой фабрике в г. Могилеве я задумывался: какой же из меня текстильщик, «ниточник». Деды мои и родители были углежогами и рудокопами, вырос я среди гор, рудников и карьеров, около доменных печей и вот - текстильщик. Кровь предков звала меня к руде, к жидкому металлу, очарование и притягательность которого неотразимы, и я, не задумываясь, стал металлургом. Академик И.П. Бардин, металлург, писал: «...В основе действительного наслаждения человека всей работой лежит осуществление мечты, которая была руководящей идеей в течении всей его сознательной жизни». К тому же следует добавить, что радость от выбранной профессии будет полной тогда, когда человек может гордо сказать: «Я – профессионал!»

Итак, я стал дипломированным металлургом. Теперь нужно было стать профессионалом, мастером. Стал ли я им? Думаю что да! По окончании техникума по распределению я попал на Надеждинский металлургический комбинат на должность сменного лаборанта.

22 мая 1934 года меня перевели на должность сменного контролера отдела технического контроля в мартеновский цех, непосредственно к сталеплавильным печам, по наблюдению за ходом плавки и выполнением соответствующих инструкций, а с 23 февраля 1935 года я стал начальником смены мартеновского цеха и уже не контролировал, а был исполнителем тех самых инструкций. Под началом оказалось более трехсот человек, бригадиров и мастеров. Но начальник смены это, прежде всего, организатор производства, администратор, а желание овладеть действительным мастерством привели к просьбе о переводе меня сменным мастером мартеновских печей, и с 1 января 1936 года я стал им. Постоянная самостоятельная учеба, ознакомление со специальными журналами и постоянное же наблюдение

за опытом и «хваткой» старых мастеров-практиков и рабочих сталеваров дали возможность почувствовать себя действительно мастером. Работа шла успешно, и в 1937 году мне было присвоено, с опубликованием в районной газете «Северный рабочий», звание «Лучший мастер малых мартеновских печей».

Еще в конце 1936 года Надеждинский завод был переведен из системы «Востокосталь» в Главное управление по производству качественных и специальных сталей («Гласпесталь»). Приемку завода проводил начальник главка И.Ф. Тевосян (затем министр черной металлургии). Всем инженерно-техническим работникам завода был произведен своеобразный экзамен на знание своего дела и соответствие занимаемой должности. Сам сталеплавильщик И.Ф. Тевосян дотошно, до мелочей выспрашивал все тонкости работы и особенно пристрастно экзаменовал мастеров печей. Всех не сдавших «экзамен» предложено было перевести на другие работы. Я остался мастером печей!

В сентябре 1938 года в целях выправления работы сталеплавильного отделения литейного цеха завода и освоения здесь плавки специальных легированных сталей для отливки прокатных валов, я был временно переведен сюда старшим мастером. После налаживания работы сталеплавильного отделения 3 мая 1939 года я был снова переведен в мартеновский цех. И снова здесь дела шли успешно. Было несколько престижных командировок на крупные металлургические комбинаты. С 1 сентября 1939 года я был назначен старшим мастером кислых мартеновских печей. Здесь выплавлялись стали, процесс плавки которых доверялся только старшему мастеру и начальнику печей, т.к. в плавку употреблялись слишком дорогие материалы. Но получилось так, что начальник печей заболел и весь заказ в течении длительного времени я выполнял один, почти не выходя из цеха.

Но вся эта успешная работа 29 октября 1939 года прервана по семейным обстоятельствам, хотя, чтобы рассчитаться с заводом, было приложено немало сил. 30 октября я расстался с женой, с сыном, с заводом, с Надеждинском и приехал домой, в Пашию.

10 ноября 1939 года я начал работать на Пашийском металлургическо-цементном заводе. Начал снова с первой ступеньки своей служебно-производственной лестницы – стал лаборантом в заводской лаборатории, как и в 1929 году. Завод в эти годы осваивал новое производство – плавку в доменной печи железистых бокситов с целью получения высокоглинозе-

мистых шлаков, размалываемых в дальнейшем на быстротвердеющий цемент специального назначения. Как вторичный продукт выплавлялись природнолегированные титановые, высокоуглеродистые чугуны, имеющие свой специфический состав и свои специфические, физические и технологические свойства. Пришлось осваивать и в теории и на практике доменный процесс.

Но в лаборатории я работал недолго, уже 3 февраля 1940 года я был назначен начальником отдела технического контроля и работал здесь до 26 января 1942 года.

Еще летом 1940 года на заводе был основан выпуск новых, легированных медью титановых чугунов. Эти работы было поручено проводить мне. Но с началом Великой Отечественной войны, когда на заводе организуется производство чугунных разборных окопных печей, я был назначен заместителем начальника литейной мастерской. По окончании задания по отливке окопных печей, 9 февраля 1943 года меня назначают начальником литейного цеха, организованного для производства чугунных мелющих тел и броневого футеровки для цементных мельниц. Снова пришлось осваивать технологию плавки чугуна в вагранке, осваивать формовочное дело, добиваться должного качества отливок, быть и организатором, и технологом, и рационализатором производства и все это в условиях недостатка материалов, оборудования и опытных рабочих – все были мобилизованы на фронт.

В октябре 1944 года в Наркомате промышленности строительных материалов было создано Управление заводов по производству запасных частей для предприятий Наркомата. Вместе со строящимся, довольно «солидным» литейным цехом, литейная мастерская Пашийского завода были переданы в это Управление и преобразованы в «завод» с громким названием «Урал-литее». Были переданы сюда и штаты. Попал в это предприятие и я. В новом цехе предполагалось производство как чугунного, так и стального литья. Для обучения новому процессу я и еще двое молодых рабочих, в конце 1944 года, выезжали на один из подмосковных цементных заводов. В это же время, как результат исканий и опытов, в журнале «Цемент» публикуется моя статья «Футеровка цементных мельниц чугунными плитами», а чуть позднее, в 1945 году в «Трудах института Гипроцемент» - вторая статья: «Конвейерная отливка мелющих тел (шаров) в постоянные формы (кокилы)». Для закрепления знаний в литейном деле в конце 1951 года в Москве я прослушал цикл лекций на курсах

по повышению квалификации инженеров и техников литейного производства.

Включая один год работы главным инженером завода «Ураллитъе» и там же несколько месяцев начальником ОТК и лаборатории, в целом, в литейном производстве я работал с января 1942 и по май месяц 1952 года.

В 1952 году я вновь вернулся на Пашийский завод на должность начальника ОТК завода, а с 3 января 1954 года стал начальником доменного цеха. С учетом двухлетнего исполнения обязанностей главного инженера завода и семи лет работы в исследовательской лаборатории и техническом отделе завода – доменному производству я посвятил почти десять лет. Доменная плавка бокситов мной была освоена основательно, а так как специальной литературы по этому вопросу почти не имелось – было написано рукописное руководство плавкой, в котором были освещены история производства, свойства сырья, свойства продуктов плавки. Рукопись и сейчас еще (1990 год) используется работниками цеха. В 1969 году, на основе этой рукописи, в журнале «Металлург» была опубликована моя статья «Технология доменной плавки железистых бокситов».

В 1968 году (март месяц) я с заводом распрощался – вышел на пенсию. Но отдыхал я немного. Осенью того же года я вновь был на должности инженера-исследователя в заводской лаборатории и 11-14 ноября участвовал в работе Всесоюзной конференции по комплексному использованию железных руд Лисаковского месторождения, созданной Казахской Академией наук в городе Алма-Ата. Здесь я выступал с сообщением о плавке алюмосиликатных шлаков в доменной печи Пашийского завода.

В течении своей производственной деятельности я неоднократно публиковал статьи на производственно-технические темы в заводских и районных газетах. Все газетные и журнальные публикации как архивные материалы, оформлены мной в одну книгу «Производственно-технические статьи и заметки» (книга находится в районном архиве).

За производственную деятельность на Пашийском заводе я был награжден и ведомственными и правительственными отличиями – нагрудным значком «Отличник социалистического соревнования Наркомпрома стройматериалов» в 1944 г., медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» в 1946 г., орденом «Знак почета» в 1958 г., значком «Отличник социалистического соревнования РСФСР» в 1960г., медалью «Ветеран труда» в 1977 г. и «Почетными грамотами».

Дела семейные

Семейным я стал довольно поздно. Ни в юности, ни в зрелые годы я не обладал столь привлекательной внешностью, не был остроумным и настойчивым, что мог бы нравиться девушкам. Особенно тем, которые были симпатичны мне. Поэтому я считал, что обзаводиться семьей можно лишь тогда, когда твоя квалификация, твоя работа будет гарантировать достаточный семейный бюджет, а физические недостатки будут скрашиваться деловыми и моральными качествами. Женился я только в 26 лет (в июле 1938 года). однако женитьба не была удачной. Распри начались даже не с женой, а с ее родителями, с которыми мы жили вместе и которых жена – единственная дочь у своих родителей – оставить категорически не желала, а они пресекали всякие попытки к самостоятельности, даже в расходовании моей, довольно приличной, зарплаты.

После рождения первенца (сын Валерий, родился 21 апреля 1939 года) разлад принял критические формы, и я вынужден был оставить жену, сына, завод, хорошую работу и уехать. Уехал я домой в Пашию. Случилось это 30 октября 1939 года. До 1943 года я пытался восстановить семью, но жить в Пашии родители жены, да и она сама, были против (шла война и я был связан с Пашийским заводом обязательством об освобождении от мобилизации). В мае 1943 года я получил развод, а зимой, в декабре, снова вступил в брак. В браке с Елизаветой Николаевной, в девичестве Дылдиной, плохо ли, хорошо ли живем мы уже вот 48-й год и дай Бог, может быть, сыграем и золотую свадьбу. Воспитали двух сыновей Евгения (род. 27 января 1945г.) и Михаила (род. 8 февраля 1949г.). Евгений – техник-электронщик, а Михаил – инженер-металловед. Валерий (сын от первого брака) тоже получил неплохое образование и стал журналистом. С 1963 года (после смерти матери) он довольно частый гость в доме отца.

Все братья живут довольно дружно. Все они уже женаты. И у нас есть внуки и правнуки. Сыновьями я доволен. Все они «вышли в люди», стали уважаемыми работниками и родителей не забывают. Я даже горд за них. Жизнь детей – это продолжение жизней родителей и если в наших сыновьях отразились какие-то добрые качества нашего характера – это значит, что жизнь наша прожита не зря.

Дела общественные

Под общественными делами я понимаю занятия, не связанные непосредственно с профессией, с должностью, с работой, но дела нужные коллективу, в котором мы живем.

Мне уже 78-й год и я могу считать себя долгожителем, а преимущества долгожителя заключается в том, что в течении жизни мы видели разные времена, разных людей. Как-то даже не верится, что когда-то можно было встретить человека, который не мог прочесть вывеску над дверью магазина, для которого обыкновенная газета была великой загадкой. Вот в те времена и начались мои, так называемые, дела общественные.

Еще будучи учеником 7 класса (в Чусовской школе) я был прикреплен к одной рабочей семье и обучал, еще не старых мужа и жену, рабочих Чусовского металлургического завода, грамоте. За зиму они научились более или менее сносно читать и писать. Зимой 1930 года, уже в Пашии, работал лаборантом в заводской лаборатории, я проводил занятия с группой неграмотных женщин на квартире мастера доменного цеха. На I курсе техникума (в 1931г.) в городе Перми я снова был прикреплен к группе рабочих – кузнецов завода «Коммунар» для обучения их чтению и письму.

В период работы в Надеждинске и в Пашии, начиная с июня 1938г., был непрямым членом избирательных комиссий. В октябре 1944 года меня приняли кандидатом в члены ВКП (б), а в январе 1946 года Чусовским райкомом я был принят в члены партии.

Занимаясь лекторской работой, я долгое время возглавлял поселковую организацию Общества «Знания».

И после выхода на пенсию, занимаясь краеведческой работой, я активно читаю лекции по истории завода, истории края в школе, в цехах и в заводском музее, организатором которого был сам же. Вот и сейчас (1989-1990г.г.) занимаюсь вопросами восстановления архитектурного памятника 18 века в поселке – знания «Свято-Троицкой церкви», построенной в 1791 году и закрытой в 1929 году.

Мое кредо: и стариком-пенсионером нельзя жизнь доживать, а нужно жить полнокровно, тогда и жизнь не будет короткой. Чем больше сделаешь полезного сейчас, тем больше, если не во времени, то в делах – проживешь.

Хобби

Английское слово «хобби» на русский переводится как «увлечение, любимое занятие для себя на досуге». Блажен тот, кто кроме своего дела, дающего ему средства к жизни, имеет вот такое увлечение, хобби.

Хобби – понятие емкое и чаще всего является не только «занятием для себя», но делом полезным для людей, среди которых ты живешь, для общества, делом необходимым и полезным всем. Я сюда отношу участие в различного рода художественной самодеятельности, всех не профессиональных художников, всех коллекционеров. Сюда же следует отнести всех любителей садоводов, цветоводов и т.д.

С детства занимался любительскими делами и я. В школьные годы любил рисовать. В юности я кое-что исполнял на балалайке, а в техникуме играл даже в небольшом струнном оркестре, тогда же и освоил игру на мандолине. Виртуоза из меня не получилось, но это увлечение, по сути, не прошло всю жизнь. Когда жил в Надеждинске посещал домровый кружок при дворце культуры – играл на домне – тенор. Было у нас в оркестре любителей более 30 человек. После переезда в Пашию участвовал в художественной самодеятельности, играл и в оркестре и дуэтом. После выхода на пенсию при заводском клубе составилась небольшой струнный оркестр стариков, выступали и дома, и на районных и областных осмотрах. Но старики есть старики. Одного скосила болезнь, другой умер скоропостижно, у меня отказали руки – пальцы и кисти рук потеряли чувствительность и подвижность. Так наш стариковский оркестр и распался.

Но самым большим увлечением, оказавшим значительное влияние на характер всей оставшейся жизни, явилось увлечение изучением истории родного края – краеведением.

В 1937 году я познакомился с известным старым изданием «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». И в томе 5 «Урал и Приуралье» встретил сведения о нашем Пашийском заводе и описание Басегов. Чуть позже в журнале «Следопыт» (издавался такой в Москве) прочитал очерк А. Грина о его жизни и работе на приисках и заводах нашего края. Вот тогда-то я и «заболел» историей и топонимией, и в частности историей Пашийского завода и топонимией Горнозаводского края.

Я стал собирать материалы по истории Пашийского завода, делал выписки из книг по истории заводов, а по приездам в

Пашию записывал рассказы старых рабочих и знакомился с архивными материалами в заводской конторе. В феврале 1940 года начал, а в сентябре 1941 года окончил рукопись своего первого очерка по истории Пашийского завода. В 1946г. на основе этой рукописи, в газете «Чусовской рабочий» была опубликована моя первая статья по истории завода «Пашийскому заводу – 160 лет», а несколько ранее, 13 ноября 1945 года, в областной газете «Звезда» была опубликована еще одна небольшая статья «Проблемы Пашийского железорудного района». С тех пор и до настоящего времени (апрель 1990 г.) на темы истории завода и истории края мною опубликовано 70 статей и очерков. К 200-летию Пашийского завода была издана альбом-брошюра с вступительной статьей, хронологической таблицей и фотографиями. Все публикации оформлены в виде книг. На сегодня получилось уже три тома с общим названием «Наш край» (статьи, очерки, заметки о Горнозаводском районе). Книга первая – 1945 – 1976 г.г., вторая книга – 1977 – 1981г.г., книга третья – 1982 – 1990 г.г.

При подготовке к 200-летию Пашийского завода было решено, что нужно издать по истории завода книгу, и я в 1978 году взялся за эту работу. Для этого я использовал переработанную и значительно дополненную в 1967 году рукопись по истории завода и собранные в большой объемный альбом старые чертежи, карты, фотографии, копии архивных документов и различные материалы и выписки. К лету 1979 года новая рукопись с названием «Два века. Очерки по истории Пашийского завода» в 319 машинописных страниц плюс 37 страниц примечаний и 43 страницы приложений – была готова. Однако, ознакомившись с работой, научные работники Пермского госуниверситета, работники райкома КПСС и заводская редакционная комиссия пришли к мнению, что рукопись надо сократить. За зиму 1980 года рукопись была основательно переработана и с новым названием «Ветеран. Пашийский завод. Страницы истории» была сдана а пермское книжное издательство. 19 октября 1981 года было получено редакторское заключение отрицательного содержания. Новая переработка. И 4 мая 1982 года в издательство идет новый вариант рукописи. Теперь он называется просто «Пашийский завод. Страницы истории» и этот вариант рукописи был возвращен на доработку. 4 апреля 1984 года был выслан еще один вариант рукописи в объеме 8 печатных листов. Теперь он попал на рецензию к кандидату экономических наук из Свердловского института экономики Уральского научного центра.

«Ученый муж» сделал заключение, что ни с литературной, ни с исторической точек зрения рукопись ценности не представляет. Вот тебе и краеведение! Я было все забросил, но в 1989 году вновь представилась возможность рукопись издать в кооперативном издательстве «Издатель» за счет средств Пашийского завода.

Уже с первых бесед по истории завода в 40-х годах слушатели задавали одни и те же вопросы: почему поселок носит название Пашия, а реки - Вижай, Вильва и т.д. В конце-концов, таких «почему» набралось много, и я списался с известными уральскими топонимистами А.К. Матвеевым - профессором Уральского государственного университета г. Свердловска и А.С. Кривошековой-Гетман - доцентом Пермского педагогического института и сотрудниками Кудымкарского краеведческого музея. Получив кое-какие ответы на свои вопросы, я так этой наукой (топонимией) заинтересовался, что отдался ей полностью.

20 февраля 1968 года А.К. Матвеевым я был приглашен выступить на заседании топонимического семинара кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета. Выступление «О некоторых географических названиях нерусского происхождения в Горнозаводском районе Пермской области» состоялось 4 марта 1968 года, 13 июля это выступление было опубликовано в газете «Ленинец», а в 1970 году, в сокращенном виде, в «Ученых записках» Уральского государственного университета. Вот так я и стал местным географом – топонимистом.

В начале 1970 года А.С. Кривошекова-Гетман сделала мне предложение принять участие в организуемой при Пермском отделении географического общества СССР (основано в 1945 году) секции «топонимистики, фольклора и этнографии народов Прикамья». 18 июня 1971 года на первом заседании секции я был избран действительным членом Географического общества и сделал сообщение «Некоторые обобщения по топонимии Причусовья на примере Горнозаводского района Пермской области».

За период активного участия в работе секции (1971-1985 г.г.) я шесть раз выступал с сообщениями по топонимии нашего края. Два из этих сообщений «Названия рудников Горнозаводского района» и «Названия камней и рек Вижая и Вильвы» были опубликованы в сборнике Пермского педагогического института «Языки и ономастика Прикамья».

В 1970-72 годах в газете «Ленинец» публиковалась моя рубрика «Географический словарь нашего края», а затем рубрика «Откуда эти названия?». На темы географии и топонимии в газете было опубликовано более 150 статей и очерков. Дома они были оформлены в два тома вырезок.

19-20 марта в Перми состоялась учредительная конференция вновь создаваемого после 60-летнего перерыва областного общества «Краевед Прикамья». Членство в обществе представляет возможность к печатной реализации своих краеведческих работ. Тут же на конференции, вновь избранный председатель правления Общества, известный в Пермской области краевед, автор нескольких книг по краеведению, С.А. Торопов, знакомый с моими работами по газетным публикациям, предложил мне подготовить для книги «Горнозаводский край. Записки старого краеведа» (рабочее название) избранные статьи по истории и топонимии края. Кроме того статьи для сборника «Пермский край» и словник и статейник по Горнозаводскому району для «Словаря Пермского краеведа». Так что работы много и пока есть силы - надо работать.

Вот, пожалуй, и вся моя биография. Сколько мне еще отпущено – кто его знает, но я твердо знаю, что весь остаток своей жизни я буду жить, а не доживать.

В. Киреев.

30 марта 1990 года.

В.В. Киреев. Автобиография

Ответственный редактор: Т.Н. Кашицына

Составитель: Л.К. Колосова

Компьютерный набор: Л.К. Колосова

Компьютерная верстка: О.А. Спицына

ЦГБ, г. Горнозаводск, ул. Свердлова, 59, Тир. 20 экз. 10.09.02 г.,
Заказ № 38.